

References

- Economic survey (2015). Planning Commission of India (now NITI Ayog).
- Harish Kumara B. K. (2012). *Revisiting Indian economic history in the light of recent progress in global economic history*, Working Paper 005, Development Foundation, Bangalore.
- Kumar N. (2016). *Changing Contours of Indian Economy: Comparative assessment of inter-sectoral growth*, JBIMS Spectrum. Vol. IV(1). P. 202–211, January–June.
- Madison A. (2007). *Contours of the world economy, 1–2030 AD: essays in macro-economic history*. Oxford University Press. P. 379.
- Shahid A. M. (2003). *A Short History of the Global Economy Since 1800*, IPRD Working Paper, London.
- SYSTAT (1988). SYSTAT Inc., 1800 Sherman Avenue, Evanston, IL60201, 312, 864–5670.
- Virmani A. (2006). *India's Economic Growth History: Fluctuations, Trends, Break Points and Phases*, Indian Economic Review. New Series. Vol. 41(1). P. 81–103.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ АБЛАЖЕЙ

кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права СО РАН,
Новосибирск, Россия
e-mail: ablazhey@academ.org

Социология науки и технологий на V Всероссийском социологическом конгрессе¹

Очередной, пятый по счету, Всероссийский социологический конгресс прошел в период с 19 по 21 октября в столице Урала, г. Екатеринбурге, на базе Уральско-го федерального университета. Оправдывая свое место и роль в жизни социологического сообщества страны, Конгресс собрал более 1000 участников, в том числе представителей Европейской и Международной социологических ассоциаций. Научная программа Конгресса, главной темой которого стали социальное неравенство и социальная справедливость, включала проведение 15 сессий; их название и состав отражали наиболее сложные и актуальные проблемы комплексного характера, стоящие сегодня перед отечественными социологами (социальная политика, неравенство, человеческий потенциал, инновации и др.). Кроме того, по заведенной традиции в рамках научного мероприятия прошли заседания секций (всего их было 37), организованных исследовательскими комитетами Российского общества социологов. Важное место в работе Конгресса заняли круглые столы (их было 35), а также вечерние лекции, встречи с редакторами ведущих профессиональных изданий, презентация изданных монографий, встречи авторов с читателями.

Во время работы V Всероссийского социологического конгресса традиционно была организована и успешно работала секция социологии науки и технологий. Попробуем тезисно изложить основные пункты прозвучавших докладов.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ (проект № 15-03-00437 «Реформируемая наука. Институциональные и социальные последствия реформы академической науки в России»).

Выступление **Н. А. Ащеуловой** (Санкт-Петербург) было посвящено истории создания 23-го исследовательского комитета (RC 23) Международной социологической ассоциации — социологии науки и технологий — и приурочено к предстоящему юбилею — 50 лет со дня его основания. Докладчик (с 2014 г. Н. Ащеулова — президент RC 23) обратилась к событиям 1948 г., когда по инициативе Отделения социальных наук ЮНЕСКО была создана Международная социологическая ассоциация (МСА). ЮНЕСКО приняла решение организовать не только МСА, зеленый свет был дан ассоциациям в области социальных наук (экономики, права, политологии, социологии). По мнению историков науки, данная инициатива была продиктована политической ситуацией после Второй мировой войны, когда на плечи профессиональных ассоциаций ложились не только интеллектуальные и культурные функции. По мнению ЮНЕСКО, исследования в области социальных наук должны были способствовать распространению демократии и служить широким социальным целям. Что касается истории самого исследовательского комитета по социологии науки и технологии, то она началась на VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане в 1966 г., где R. Aron (Франция), B. Barber (США), J. Ben-David (Израиль), I. Dubska (Чехословакия), S. Dedijer (Швеция), D. Goldschmidt (ФРГ), R. K. Merton (США), A. Podgorecki (Польша), J. J. Salomon (Франция), A. Szalai (Венгрия), E. Walter (Швейцария), А. А. Зворыкин (СССР) и др. участники рабочего заседания приняли решение о создании специального исследовательского комитета по социологии науки. Его первым президентом стал выдающийся американский социолог и основатель классической социологии науки Роберт К. Мертон, секретарем — Дж. Бен-Дэвид. Кратко остановившись на дальнейшей истории 23-го комитета, Н. А. Ащеулова особо подчеркнула тот факт, что инициативная профессиональная деятельность в его рамках непрерывно ведется на протяжении вот уже 50 лет и многого удалось добиться. В год юбилея члены правления комитета готовят издание специального выпуска информационного бюллетеня, посвященного истории научно-организационной деятельности. (Архив Международной социологической ассоциации располагается в Международном институте социальной истории (Нидерланды), там планируется изучить переписку, программы мероприятий, отчеты, доклады заседаний, публикации; важно также проанализировать переписку первого президента Р. К. Мертон с членами правления, находящуюся в архиве библиотеки Колумбийского университета). В год юбилея правление Международной социологической ассоциации утвердило для комитета награду в честь первого президента комитета Р. К. Мертон за вклад в развитие социологии науки: «*The Robert Merton Award for Distinguished Contribution to the Sociology of Science and Technology*»). По справедливому замечанию Н. А. Ащеуловой, полувекровая деятельность RC 23, несомненно, вызывает большой интерес профессионального сообщества и будет изучаться в дальнейшем.

В выступлении **А. М. Аблажея** (Новосибирск) были представлены результаты анализа предпосылок и оценка первых результатов (эффектов) реформы академической науки в России. Эмпирической базой исследования стали стандартизированные интервью, проведенные в институтах ФАНО четырех научных центров Сибири — Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Томска. В большинстве своем научные сотрудники государственных академий наук были лишены возможности участия в обсуждении содержания и методов проведения реформы академической сферы, по сути, исключены из процесса принятия решений, касающихся основных

направлений развития фундаментальной науки в стране. Отсутствие прописанной процедуры обсуждения реформы, ее секретность, спешность принятия важнейших решений, отсутствие разработанной программы обновления системы научной деятельности в области фундаментальных исследований — свидетельство того, что эта сторона дела мало волновала инициаторов преобразований и одна из главных причин протестов со стороны научного сообщества. Между тем, очевидно, что без заинтересованного, компетентного участия не только верхнего слоя академического истеблишмента, академической бюрократии, но и массы «рядовых» научных сотрудников, их субъективной готовности к работе в новых условиях, наличия эффективных способов оптимизации ситуации, прежде всего на уровне отдельных научных подразделений, отделов и лабораторий, — реальные изменения к лучшему в сфере фундаментальной науки весьма и весьма проблематичны. Таким образом, основная проблема заключается в отсутствии ясного представления о том, как отреагировали или могут отреагировать российские ученые на кардинальное изменение привычных для них условий исследовательской деятельности, какие типы поведенческих стратегий и почему являются в сложившейся ситуации наиболее распространенными, в какой степени учитываются эти факторы при определении содержания и темпов реформирования, перспектив развития академического сектора науки в новых условиях. По мнению докладчика, результаты полевого исследования позволяют разделить российское научное сообщество на несколько неравных частей. 1. Самая небольшая по численности группа представляет собой ученых, настроенных крайне пессимистично, при этом численность этой группы в Томске и Иркутске меньше, чем в Красноярске. Вероятно, это связано с тем обстоятельством, что именно в Красноярске трудности адаптации к новой ситуации в области управления и финансирования науки усугубились попытками (как показало время, неудачными) силовой, по сути, интеграции академических институтов в состав регионального научно-образовательного консорциума во главе с Сибирским федеральным университетом. В Томске противоречия академических институтов с университетами не достигли такой степени остроты. Что касается Иркутска, то здесь инициативу интеграции перехватило руководство Президиума регионального научного центра. 2. Следующая за ней по численности группа — научные сотрудники, которые стараются не обращать внимания на происходящие институциональные изменения и работать, как прежде. Это в первую очередь исследователи, не занимающие административных постов и не ощутившие на себе бюрократический «вал», обрушившийся на институты после начала реформы. 3. Самая многочисленная категория — научные сотрудники, находящиеся в состоянии неопределенности. По сути, речь идет о скрытой напряженности, напряженном ожидании неизбежных перемен, от которых мало кто ждет позитивных результатов. Масла в огонь подливает разворачивающаяся кампания по смене нынешнего руководства большинства институтов, что вызывает напряженность в коллективах, перемены в сложившемся годами, если не десятилетиями, стиле общения, неформальном подходе к планированию рабочего времени, стиле общения руководства с коллективами институтов и пр. В целом ряде институтов сложилась непростая ситуация с подбором кандидатов на роль директоров среди докторов наук подходящего возраста. 4. Наконец, среди молодых ученых существует небольшая прослойка тех, кто рассматривает реформу как шанс продвинуться, сделать научную и административную карьеру. Существенная часть из них согласна и с неизбежной коммерциализацией науки.

В целом, по мнению А. Аблажея, анализ первых итогов проведения радикальной реформы сферы фундаментальных исследований (реформирование РАН, создание Федерального агентства научных организаций и другие мероприятия) показывает, что в основе всех современных трансформаций данной сферы лежит конфликт дирижистских и неолиберальных сценариев ее развития в кратко- и среднесрочной перспективе. Наряду с усиливающейся тенденцией к бюрократизации, сужению свободы маневра для научных организаций наблюдается рост интереса к вопросам коммерциализации результатов исследований, спроса на рыночные способы планирования, финансирования и оценки результативности деятельности исследовательских структур. Существенное влияние на процессы, идущие в сфере фундаментальной науки, оказывает ее взаимодействие со сферой высшего образования, налицо тенденция к углублению интеграции, и инициатива здесь исходит, как правило, от крупных передовых вузов — федеральных или национальных исследовательских университетов. В перспективе весьма вероятно создание научно-образовательных холдингов или консорциумов как минимум регионального масштаба при ведущей роли тех же самых университетов. Тенденция к интеграции будет укрепляться и не в последнюю очередь в силу обострения конкуренции за сокращающиеся ресурсы.

С. А. Кравченко (Москва) в своем выступлении рассмотрел вызовы научному знанию, возникшие у общества и особенно представителей самой науки в процессе становления качественно новых нелинейно развивающихся социально-природных реалий, или эффекта «стрелы времени» — ускоряющихся и усложняющихся трансформаций, включая обратное-поступательное развитие, в силу чего они становятся *неустойчивыми и неравновесными*, а динамика и природы, и социума все более обретает *характер взаимодействия саморазвивающихся систем*, проникающих друг в друга. В результате происходит становление нового мира, в котором *порядок формируется из хаоса*, нормой общественного развития является сложный процесс становления социума, происходящий в контексте сопутствующих *социальных и культурных травм*, понимаемых, вслед за Штомпкой, как «специфическая патология деятельности». Динамика научного знания, стремящегося адекватно отображать эти процессы, также обретает характер «стрелы времени», что проявляется в новых вызовах и рисках самому научному знанию. Эффекты «стрелы времени» заключаются в изменении подходов к знанию вообще и научному знанию в особенности, определения которого постоянно множатся; в кратковременности существования, которая проявляется неравномерно; переоткрытию подвергаются природа, физический мир, который перестает быть просто средой жизни человека, превращаясь в органическую часть социума; изменяются представления о пространстве как об объективно существующем месте, стабильном в силу своей природы: места путешествуют, медленно или быстро, на более длинные или короткие расстояния внутри человеческих или нечеловеческих сетей, движется и информационное пространство, соответственно, изменяется знание о нем; радикально изменилось знание о времени, когда сомнению подвергается презумпция его необратимости, происходит отказ, с одной стороны, от «объективности» социальных законов, а с другой — от теологической интерпретации времени, взамен предлагается поиск *альтернативного времени*; предполагает видение *сложного будущего* человечества: если в эпоху индустриального модерна будущее представлялось весьма радужным, а его прогнозы изобиловали конкретными деталями, то ныне проблема интерпре-

тации даже ближайшего будущего человечества относится к весьма существенным и нерешенным проблемам социальных наук; налицо постоянное *обновление знания о рисках*: если знание об относительно простых рисках предполагало указание или на конкретные объективные причины, или на субъективные факторы, то авторство сложных инсценированных рисков *размыто и дисперсионно*; ныне научное знание включает в себя и принципиально новые формы знания, к ним относится, в частности, *научное незнание*, в результате утверждается парадокс решения, сочетающий и необходимость, и невозможность; наконец, обострилась проблема перехода к новой *эпистеме*. В условиях, когда доминирует формальное, прагматическое и подчас меркантильное знание, обусловленное фактором рынка, обостряется потребность в гуманистическом повороте к эпистеме, основанной на синтезе естественнонаучного, социального и *гуманитарного знания*. По мнению докладчика, следует начать движение к *нелинейно-гуманистическому мышлению*, исходящему из наличия ускорения и усложнения социокультурной динамики, ставящему во главу исследования жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности.

Выступление **А. Б. Дидикина** (Новосибирск) касалось анализа норм российского законодательства, регулирующих правовое положение Российской академии наук (РАН) после реформы 2013 г. (особенности организационно-правового регулирования вопросов реорганизации РАН в последние годы, вопросы координации ее деятельности с Федеральным агентством научных организаций и подведомственными ему научными организациями), а также роли научных достижений для инновационного развития экономики. По мнению докладчика, эффективность разработки законодательства о науке во многом зависит от соответствия нормативных положений социально-историческим условиям функционирования российской правовой системы (развитие экспортно-сырьевой сферы российской экономики, взаимодействие технологических укладов в процессе внедрения новых технологий и методов получения наукоемкой продукции, формирование основ инновационной экономики), а также внутренней структуре деятельности научных учреждений и организации научной работы в современный период. Принятие в 2013 г. федерального закона о реорганизации Российской академии наук существенно изменяет институциональную структуру академической науки в России. Меняется не только правовой статус РАН и подведомственность научных организаций, но и характер государственного управления научной деятельностью, появляются новые управленческие структуры. Так, в законе о статусе РАН подчеркивается ее независимость в принятии решений, однако она касается лишь научно-исследовательской деятельности и экспертизы научных и научно-технических проектов. Все иные вопросы управления государственным имуществом и функционированием научных институтов с 2013 г. переданы созданному Федеральному агентству научных организаций (ФАНО). Российская академия наук, с точки зрения норм гражданского законодательства, обладает правом оперативного управления предоставленным ей имуществом, а полномочия собственника для согласования выполняет Правительство России. Характеризуя управленческие функции ФАНО, докладчик сделал вывод, что в настоящее время его структура постепенно формируется с учетом запросов регулирования и управления академической наукой в России. В структуре Агентства выделяется ряд управлений, деятельность которых выстроена в контексте разграничения естественных, социальных и гуманитарных наук, а также вопросов

обеспечения информационного взаимодействия, правового обеспечения и функционирования документооборота. Важным аспектом взаимодействия структурных подразделений РАН, научных институтов и федеральных органов исполнительной власти является также разграничение полномочий между ФАНО России и Министерством образования и науки РФ, поскольку отдельные вопросы перспективного планирования и управления наукой относятся к компетенции как минимум двух структурных подразделений последнего — департаментов науки и технологий, и аттестации научных и педагогических кадров.

Докладчик обратил внимание участников секции на то, что процесс реформирования академической науки совпал по времени с началом реализации проекта Национальной технологической инициативы (НТИ). Проект НТИ, запущенный в 2015 г., призван формировать прогнозы развития глобальных рынков новых технологий с горизонтом планирования 2035 г., то есть не существующих в настоящее время, но соответствующих новому шестому технологическому укладу, приближение к которому для страны не является возможным без такого прогноза. Расчеты опираются на кооперацию научных, инженерных кадров, предпринимателей и институтов развития, с помощью которой совместными усилиями создаются условия для технологических изменений и формирования таких глобальных рынков, либо выхода на формирующиеся рынки. Государство в таких условиях работает на принципах частно-государственного партнерства, принимая на себя лишь часть рисков от инновационной деятельности и обеспечивая благоприятную деловую среду и законодательство. Оценивая реалистичность разрабатываемых в рамках НТИ прогнозов развития, А. Дидикин сделал вывод, что смелые гипотезы допустимы, поскольку не существует точной эмпирической основы для оценки перспектив существующих рынков технологий. Отсюда следует, что «придумывая» новые рынки НТИ, есть возможность «формировать» для них технологическую среду, но не путем обращения к государству, как это было ранее, а путем кооперации практик управления и социальных институтов. Таким образом, данный проект по существу новаторски организует работу научных институтов, бизнеса и экспертов, запускает модернизацию «снизу», от потребностей научного мышления и практики.

Доклад С. А. Душиной и В. М. Ломовицкой (Санкт-Петербург) был посвящен особенностям профессионального продвижения молодых исследователей в условиях институциональных изменений в науке, выявлению социальных факторов, которые оказываются решающими для карьеры молодежи в условиях подвижности и гетерогенности исследовательской среды. Докладчики показали, как социальные детерминанты формируют деятельность лаборатории и какое это имеет значение для карьерных перспектив. Для изучения разных типов старта академической карьеры (магистр — аспирант — кандидат/PhD) были выбраны молодые сотрудники из лаборатории № 1 (создана в исследовательском университете в рамках мега-гранта первой волны — 2010 г.) и лаборатории № 2 (находится в составе исследовательского института, входящего в крупный Национальный исследовательский центр). В обеих лабораториях разрабатывают новые материалы, оба учреждения имеют хорошую академическую репутацию, исследовательские традиции, получают дополнительное финансирование в рамках государственных программ.

В поле зрения исследователей оказались:

- различия в организации рекрутинга в состав научных лабораторий (где нет притока студентов — нет и молодых ученых);

- обзор источников финансирования (фондовое финансирование принципиально меняет исследовательские практики; невысокие зарплаты являются фактором, «выталкивающим» молодых ученых из науки);

- специфика исследовательской среды (в лаборатории № 1, где из 50 сотрудников 47 молодых, включая руководителя, выросла генерация исследователей, которая выступает с докладами на международных конференциях, публикуется в зарубежных изданиях и популяризирует свои научные достижения в социальных сетях; в лаборатории № 2, где лишь 3 из 18 сотрудников молоды, исследовательская идеология научной группы соответствует традициям советской науки, результаты работы обсуждают на семинарах института, представляют в виде статей, препринтов, оформляют как патенты, докладывают на международных конференциях);

- фигура научного лидера (в лаборатории № 1 есть сильный лидер, сумевший задать исследовательскую тематику и реформировать работу лаборатории, интегрировав ее в международное научное пространство; руководитель лаборатории № 2 сохраняет традиции организации советской большой науки);

- организация исследовательских ниш (в лаборатории № 1, где подавляющее большинство сотрудников составляет молодежь, есть куда продвигаться, поскольку позиции научных сотрудников разного уровня не заняты; респонденты из лаборатории № 2 не видят для себя перспектив в институте и не связывают с ним свое будущее).

Характеризуя далее современную науку и называя ее, вслед за Дж. Зиманом, «постакадемической», авторы доклада справедливо отмечают, что процесс коммерциализации идей изменяет когнитивную культуру университета, но при этом важно сохранить классические академические традиции производства знания. В противном случае коммерциализировать будет нечего. Нельзя забывать, что коммерческие высокотехнологичные продукты «произрастают» из идей, полученных в ходе фундаментальных лабораторных разработок.

В заключение С. А. Душина и В. М. Ломовицкая делают вывод о том, что из двух паттернов организации лабораторной жизни респонденты выбирают тот, где лучшие условия для профессиональной самореализации, прежде всего исследовательская инфраструктура и конкурентоспособная зарплата. Важный момент заключается также в том, что разворот новой научной политики в сторону коммерциализации меняет традиционную эпистемную культуру академической среды, открывая возможность молодым сотрудникам проявить себя на наукоемком рынке. Позитивный момент такого сдвига в том, что молодые ученые могут продолжить свои карьеры в исследовательской среде, играя гибридную роль ученого и бизнесмена.

А. А. Гордиенко (Новосибирск) в своем выступлении акцентировал внимание на феномене ремодернизации и генезисе очагов институционально-личностной модернизации в современной России. Согласно его мнению, по мере перехода к инновационному обществу, общественное разнообразие и общественная динамика в социуме все больше зависят не столько от собственно социальной структуры, сколько от «проросших» в ней разнообразных социокультурных позиций — систем деятельности (возникающих, в частности, на основе малых групп). В то же время современное российское государство не воспринимает модернизаторов «снизу» с их спонтанной инициативой и потенциалом самоорганизации на основе горизонтальных взаимодействий. Следует предположить, что в современной России существует скрытый человеческий потенциал, ориентированный на инновационное

(постиндустриальное развитие), его роль не ограничивается только созданием среды инновационного развития, она может оказаться решающей и для выхода страны из кризиса национального духа. Важнейшая задача заключается в том, как его мобилизовать.

В «новой» России «изнанка модерности» в наибольшей степени затронула науку и образование. Реформирование науки и высшего образования, осуществляемое в стиле консервативной модернизации, блокирует, исключает коммуникативную рационализацию, трансинституциональные взаимодействия в регионах. В результате наука и образование, будучи форпостом институционально-личностной модернизации в СССР, превращаются в современной России в фактор, тормозящий этот процесс. Тем не менее, в России имеются предпосылки для качественного переустройства процессов реформирования науки и образования. То, что попытки консервативного, по сути, реформирования не были осуществлены в полном объеме, есть результат определенной самоорганизации научного и образовательного сообществ, сплочения российской общественности вокруг проблем образования и науки. И этот важный момент российской действительности свидетельствует не только о том, что процесс реформирования в самых критических точках парируется общественностью, но и о том, что достигнут некий баланс сил хотя бы в этих точках. Такое движение означает, что система управления обретет некую целостность, в рамках которой государственные чиновники получают настоящего партнера, без взаимодействия с которым невозможно преуспеть в деле качественного переустройства образования и науки. Этот процесс может начинаться с деколонизации концептуальных оснований реформирования науки и образования на принципах тройной спирали, разворачивающейся в рамках социокультурного трансинституционального сообщества. Важно и то, что организованный таким образом процесс реформирования может оказаться в резонансе с массовым настроением, с характерной для российских людей «смысловой маркированностью всего ряда понятий, относящихся к познанию, образованию и духовной жизни». Активное включение общественности на местах в конкретные проекты и прежде всего в рамках социокультурного трансинституционального сообщества позволит актуализировать эту смысловую наполненность, вернуть «следы» советского «общества образования» в сам дух проектов. Так могут возникнуть основания для деколониального поворота в реформировании науки и образования.

Г. А. Николаенко и **Е. В. Евсикова** (Санкт-Петербург) представили результаты эмпирического исследования, направленного на изучение образа науки в коллективной памяти старшеклассников (на примере Санкт-Петербурга). Эмпирическую базу проекта составил анкетный опрос, проведенный среди 350 петербургских школьников 7–11 классов. Анализируя ответы на вопросы, докладчики обратили внимание аудитории на тот вопрос, отвечая на который, респонденты должны были определить, какое из открытий или изобретений, с их точки зрения, является наиболее важным для человечества — респондентам нужно было назвать одно событие по своему усмотрению. Респонденты ответили следующим образом: наибольшее количество упоминаний получили «электричество» (22 %) и «Интернет» (13 %). Следующими в рейтинге следуют «колесо», «автомобиль» и «радио», набравшие по 4 %. В свою очередь, «космос» (категория, объединяющая все ответы респондентов, связанные с космической сферой) и «телефон» были упомянуты только 3 % опрошенных. Стоит заметить, что в ходе исследования не было выявлено статистических

зависимостей между следующими показателями: выбором того или иного открытия или изобретения в качестве наиболее важного для человечества и половой принадлежностью или возрастом.

По результатам исследования был составлен рейтинг ключевых российских ученых, в котором лидирующее место занял Д. И. Менделеев; затем, со значительным отставанием, идут М. В. Ломоносов, И. П. Павлов и А. С. Попов, далее следует Вавилов (неизвестно, какой именно); замыкает список И. И. Мечников. Значительно более равномерно распределились ответы на вопрос «Назовите не более трех зарубежных ученых, которые привнесли наиболее важный вклад в мировую науку». Здесь лидируют А. Эйнштейн и Н. Тесла. Со значительным отставанием замыкает список лидеров наш современник, физик и популяризатор науки С. Хокинг.

Наконец, школьникам предлагалось ответить на следующий вопрос: «Какое направление научных исследований является наиболее перспективным на данный момент?» Лидируют «космос», а также «медицина»; со значительным отставанием идут «физика» и «биология».

В заключение авторы отметили, что подавляющее большинство ответов, так или иначе, отсылает нас к школьной программе. Кроме того, на многие вопросы школьники просто не стали отвечать. Авторы предположили, что это происходит не столько от боязни ответить неправильно (анкеты были анонимными, да и наличие «правильных» и «неправильных» ответов заранее отвергалось), сколько из-за того, что школьники никогда не рефлексировали на тему места науки в современном обществе. Таким образом, можно говорить о низком уровне знаний средне-статистического школьника о современном развитии науки, современных исследователях, новейших направлениях научной деятельности и в целом о месте науки в обществе.

А. М. Пономарев (Ижевск) на примере Удмуртии рассмотрел трансформацию управления региональными учреждениями РАН в условиях их реформирования. Определив свою исследовательскую позицию как неструктурированное включенное наблюдение в форме рефлексии участника процесса, докладчик отметил, что такого рода рефлексия с привлечением доступной документации дает эмпирическое неформализованное представление о процессах и их участниках, которое нужно формализовать в системе понятий теоретической конструкции. Таким образом, объект исследования предстает в двух оптиках: а) исследовательские группы и индивидуальные траектории ученых академических учреждений РАН в Удмуртии; б) управление исследовательскими практиками и исследовательскими группами. Анализ новаций в управлении научной деятельностью исходит из наличия модели встраивания производства знания в жизненный цикл товара. Подобный вывод сделан автором на основе изучения современного подхода к управлению научно-исследовательской деятельностью на уровне региональных органов управления и их агентов, обозначенного, в частности, новым руководством Удмуртского научного центра УрО РАН (УдНЦ), которое настаивает на более утилитарном подходе к продукту науки — новому знанию.

Все учреждения академической науки в республике на начало 2016 г. находились в ведении Уральского отделения РАН, но официальный статус этих учреждений был различен. Часть из них являлась самостоятельными субъектами и полноценными юридическими лицами; филиалы, отличаясь по своему юридическому статусу, ограничивались в своих действиях головными организациями, находящимися

в г. Екатеринбурге. Одновременно все учреждения считались частью УдНЦ, административно ему не подчиняясь: в его функции входили координация деятельности и методическое сопровождение. Таким образом, все учреждения РАН в Удмуртии за исключением отделений УдНЦ находились в своеобразном двойном подчинении, но фактически ориентировались на Президиум УрО РАН или головные институты. К настоящему моменту принято решение о «присоединении» институтов к УдНЦ, которое должно остаться единственным полноценным юридическим лицом. Это — метод «консолидации», рекомендованный ФАНО. Объединению предшествовала месячная плановая проверка минфином РФ и приезд регионального представителя ФАНО. Региональное министерство образования и науки, представитель которого в ранге зам. министра является членом президиума УдНЦ, поддержало объединение. Изменилось и отношение к науке: если прежде руководство считало ее объектом заботы исключительно федеральных властей, то новая команда считает научные исследования важным фактором управленческой политики. Изменение позиции выразилось в двукратном увеличении софинансирования по грантам РФФИ и РГНФ, в разработке программы развития науки в Удмуртии. Для этой позиции характерны акцент на прикладной науке и ориентация на инвестиционный эффект.

По мнению автора доклада, на данном этапе реформирования можно констатировать, что в Удмуртии оно не повлияло непосредственно на работу исследовательских групп, коллективов. Но уже в ближайшей перспективе произойдет сокращение как числа самих групп, так и их численности. В структуре специальностей также произойдут изменения в направлении роста доли прикладных и инженерных специальностей. В совокупности с проблемами реформирования вузов в регионе, это обернется кризисом процесса воспроизводства научно-исследовательских кадров в республике. Кроме того, учитывая небольшой административно-властный потенциал исследовательских коллективов, следует ожидать роста доли прикладных исследований и сокращения доли фундаментальных исследований в совокупности исследований академических учреждений.

Л. В. Земнухова (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление анализу деятельности международных научно-исследовательских лабораторий (программа «мегагрантов»), представляющих собой новый формат научно-исследовательских единиц. Всего было сформировано 160 лабораторий, работающих в разных городах. Основная ставка была сделана на молодых ученых, которые становятся значимой движущей силой развития подобных лабораторий. Одна из задач исследования состояла в выявлении факторов и особенностей функционирования подобных лабораторий, оценка их влияния на карьеры молодых ученых. В основе дизайна исследования лежало две гипотезы. Во-первых, предполагалось, что опыт работы в международных лабораториях способствует высокой академической и интеллектуальной мобильности молодых ученых. Как следствие, обсуждались вопросы потенциальной миграции, поиска работы на глобальном академическом или индустриальном рынке, формирование сетей и коллабораций по результатам опыта работы с мировыми учеными. Вторая гипотеза состояла в том, что подобные лаборатории станут своего рода магнитами для талантливых молодых ученых и желаемым местом работы в академической сфере, смогут влиять на процесс организации научного производства; ожидалось обнаружить свидетельства того, что подобные лаборатории с высокой концентрацией молодых специалистов способствуют

формированию новых работающих механизмов производства научного знания. В ходе исследования на первом этапе было отобрано пять лабораторий из Санкт-Петербурга, Москвы, Ростова-на-Дону, Уфы. Лаборатории отличались по институциональной принадлежности (университет или Академия наук), региону, срокам действия проекта (начатые, продолжающиеся, получившие продление и завершившиеся), сферам научной деятельности (биология, генетика, нанотехнология, социология). Было проведено 17 полуструктурированных глубинных интервью с ведущими учеными, руководителями лабораторий, а также молодыми учеными.

Первый этап исследования позволил выделить следующие группы особенностей организации науки, которые влияют на развитие лаборатории, с одной стороны, и на карьеры молодых ученых, с другой:

а) *институциональный* статус лаборатории — академический научно-исследовательский институт, федеральный или профильный вуз, или же негосударственное учебное заведение; он предопределяет ее внутренние возможности: площади, оборудование, доступ к образовательным ресурсам, финансовую поддержку, потенциальные карьерные возможности;

б) *дисциплинарное* направление лаборатории и — в связи с этим — ее позиция как в российском, так и в международном научном пространстве. Наличие связей и опыта сотрудничества внутри дисциплины обуславливает доступ к ограниченным ресурсам, материалам и публикациям, внутри дисциплин складывается свой набор практик и традиций, разделяемый мировым научным сообществом. При этом важным остается и российский контекст с точки зрения приоритетности направления, заинтересованности в его развитии;

в) *внутренняя* организация лаборатории — администрирование деятельности, функциональное разделение обязанностей, ролевой набор руководителей лаборатории, дисциплинарные условия, а также характер взаимодействия между сотрудниками; уже на данном этапе можно заключить, что персональная заинтересованность руководителя лаборатории, скоординированные его действия с ведущим ученым и регулярные консультации с молодыми сотрудниками представляются ключевыми для развития лаборатории и ее научного коллектива.

Каждое выступление завершилось небольшой, но плодотворной дискуссией. В заключение Н. А. Ащеулова проинформировала участников секции об изменениях в руководстве 24-го Исследовательского комитета РОС — социология науки и технологий. На следующие четыре года обязанности координатора будет исполнять А. М. Аблажей.

Sociology of Science and Technology at the 5th Russian Congress of Sociology

ANATOLY M. ABLAZHEY

leading research fellow;
The Institute of Philosophy and Law, SB RAS (Novosibirsk)